

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Г52

Гладилин Н. В.

Г52 Остров традиции. Роман вне традиции в четырёх сезонах. — М.-СПб. : Нестор-История, 2019. — 392 с.

ISBN 978-5-4469-1590-3

В стране, объятай гражданской войной, семья Клиров как ни в чём не бывало ухаживает за своим садом и поддерживает очаг «высокой» культуры. Однако лихолетье не минует и этот островок благоденствия — загадочным образом гибнет одна из сестёр Клир. Расследовать её убийство на свой страх и риск берётся потерявший себя интеллектуал Конрад Мартинсен...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4469-1590-3

9 785446 915903

© Н. В. Гладилин, 2019

МАТЕРИК И ОСТРОВА

РАЗМЫШЛЕНИЕ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Шесть лет назад, в 2013 году, некто Василий Сосновский издал в издательстве «Нестор-История» свой роман «Остров традиций». Издал за свой счёт, крохотным тиражом в 300 экземпляров, присовокупив в аннотации следующую строчку: *потуга на роман вне традиции в четырёх сезонах*.

Что ж, получилось то, что и следовало ожидать, роман-потуга неизвестно-го автора в издательстве, не специализирующемся на романах, прошёл практически без всяких откликов, хотя я, например, после прочтения поздравил автора с неожиданным прелюбопытным текстом и посетовал, что писатель прикрыл своё имя литературной маской. Зря, литература капризна и не благоволит анонимам...

Что ж, спустя годы автор вновь издаёт свою книгу, но уже под собственным именем: Никита Гладилин.

А вот о Никите Гладилине, докторе филологии, знатоке немецкой литературы, педагоге кафедры иностранных языков Литературного института, авторе целого ряда исследований, в том числе по творчеству Шиллера, Гофмана, Майринка, Томаса Манна, Зюскинда, специалисте по постмодернизму — есть, что и сказать, и подумать...

Тут я вынужден уйти в сторону от героя и его книги.

За пятьдесят лет существования в литературной галактике: дебютант, школяр, жадный читатель, студент, филолог, писатель-профессионал, я прочитал уйму текстов, среди которых попадались — пусть редко, но всё-таки — такие, которые ставили меня в совершенный тупик. Чем? С одной стороны, уникальным литературным вызовом, с другой — абсолютным выпадением из привычного литературного космоса. Так однажды мне попал в руки зачин (буквально пять-семь страниц) романа «Дверь». Я тогда ещё жил в провинции, в Перми, и «Дверь» написал мой давний знакомый, художник-иллюстратор Слава Ковалёв, гениальный мастер фантазий... вот валяется где-то на земле, в разрушенном квартале домов, идущих под снос, какая-то старая дверь. Ну и пусть себе мокнет в осенней жиже. Ан нет, это не просто дверь, а вход, лаз, тоннель в подземную жизнь подземных людей. Что меня поразило — обычно люди живут под землёй в пустотах, в пещерах, например, в подземельях, в катакомбах...

Ковалёв нашел поразительное решение: эти люди живут в земле так, как рыбы живут в воде, и каждый шаг, каждое слово таких вот землекопов, кротов, слепцов связан с сопротивлением почвы, глины, древесных корней, и говорят они ртами, набитыми землёй...

Свой роман Ковалёв не написал, хватило энергии начала, но вот уже долгие годы ненаписанный роман «Дверь» для меня стоит многих написанных романов.

Уже позднее, в Москве, меня изумила рукопись молодого маргинала, запойного гения Михаила Мальцева «Курьер ОНЯ», где герой повести после собственной смерти... превратился в *муравья*, ползущего по ноге любимой жены, которая изменяет герою в летний день похорон на полянке кладбища с давним приятелем, а позже становится ловчей птицей, *соколом-пустельгой*... если бы не самоубийство автора, я думаю он бы стал звездой русской литературы 20 века...но мимо!

Текст повести утерян.

Одним словом, в нашей литературе есть такие этажи и лабиринты, такие брызги материка, какие остались вне внимания критики по целому ряду причин, в том числе и по причине полной несовместимости мейнстрима и архипелага играющих сил. Это — тени нашей литературоцентричной ментальности.

Роман Никиты Гладилина — на мой взгляд — тоже принадлежит к этому ночному океану нашей литературы и скрывается в тени непонятного в силу своеобразия интеллектуального вызова... В известной степени наша традиция наказывает писателя, который принципиально уходит от традиций... никто не отреагировал на роман-вызов, он остался без всякой реакции (мне это очень знакомо, вне всякой реакции — и я был к этому равнодушно готов — остался мой наиболее продвинутый, новаторский, продуманный до мелочей роман в маске жизнеописания Леонардо да Винчи, которым я остался чрезвычайно доволен, хотя обычно не жалею себя комплиментами...).

На мировом рынке распределения труда у России — роль матрицы, судьба архипелага сырья: в средние века — пенька, мех, мёд, в XIX веке — социальные идеи: русский нигилизм, коммунизм, утопизм... в XX веке к социальным идеям прибавилась волна эстетических новаций: конструктивизм и футуризм, абстракционизм — тоже наше детище... В последние 20 лет мир захватила новая русская идея (только её еще не распознали!), иммортализм и трансгуманизм, возвращение космизма в духе реляции Фёдорова о восстановлении отцов из рассеянных атомов и достижении бессмертия каждого индивида...

В этом ракурсе «остров традиций» вполне можно читать как остров вечных новаций.

Вместе с тем роман Никиты Гладилина охвачен гулом мировой литературы и содрогается как Наутилус в подводной пещере в канун взрыва вулкана.

Интеллектуальная глыба начитанного до чёртиков профессионала, по сути — немца в Москве! Прикидывается овечьей полянкой для агнца, и выглядит детективной историей. Сам автор фиксирует манок сюжета (не будем забывать слова Ортеги-и-Гассет о том, что манок сюжета — бесчестен, пуля

в голову всем сочинителям беллетристики...) как чисто детективный. Но далее — волна за волной по тексту проходят благодатные вибрации смысла: знаток различит с наслаждением эхо великой саги Бориса Пастернака о докторе Живаго, ценитель немецкой мистики узнает в «стране сволочей» черты романа Майринка о Големе, а любитель логического экспрессионизма переживёт перверсии в духе Зюскинда и надышится парфюмом... любитель фантастики в голливудском формате встретит могучего диктатора Землемера, а поклонник Льва Толстого различит нотки семейного эпоса в жизни Анны, к которой зачастили воспитательницы сиротского приюта. Но это ещё и антиутопия: новая отливка Хаксли и Оруэлла: *«за последнее время отлучены от своих должностей за пристрастие к сатанизму 63 иерарха»*... Вот так фокус, это ещё и сатира! Короче, в безмолвном тайном ряду сокрытой русской литературы в ночной тени звёзд появилась новая глыба.

Роман Гладилина изумляет объёмом охваченного бытия и сопротивляется любому обнимающему контексту, схватить его цельность почти невозможно, да, пожалуй, и не нужно...

Спросим себя, можно ли его хотя бы прочесть до конца?

Можно, и ваш покорный слуга это сделал...хотя лучше этим романом как бы пожить, чем смаковать его... Можно ли сказать, о чём он конкретно? Думаю, нет. Его суть — в неторопливой походке/поездке бытия по оврагам русской и европейской истории минувшего века, перелёты вручную на дирижабле по облакам. Его мощь в том, как ты, читатель, благодарно превращаешься в объятиях мельничного жёрнова в мукú (и мýку), и всё же — доверимся автору — я призываю вас сесть в этот развинченный тарантас постмодернистского постава на четырех жерновах вместо колёс и пуститься фигурами рока под полог дождя вглубь ускользящей тайны, которая остаётся тайной до самого конца, до самой последней колдовской фразы: *«Закрутились педали. Завертелись жернова моего романа. Но что-то длинный он какой-то получился, мой роман-то. Самое время оборвать его на полусл...»*

И мы прервём наши овац...

Анатолий Королёв

*Ни в сюжете, ни в тексте не надо искать
никаких мифологем. В условиях длительного
кислородного голодания мифы дарят надежду.
А нужен — кислород.*

СЕЗОН ПЕРВЫЙ

ЛЕТО

1. В СТРАНЕ СВОЛОЧЕЙ

Здесь не любили плохо одетых людей. Не в том дело, что сами были одеты хорошо, а в том, что стремились одеваться лучше. Чтобы комильфо. А когда не комильфо, здесь не любили.

Сей Ишак С Педаями был одет однозначно плохо, и его не полюбили. Ишак, ибо не полюбили. С педаями, ибо на велосипеде. Его Стефан так прозвал — Ишак С Педаями. Как увидел, так сразу и прозвал. Стефан был одет хорошо.

Итак, плохо одетый правил велосипедом. Стефан видел: не умеет. Велосипед швыряло влево и вправо к обочинам. Ещё чуть-чуть, и навернётся в поросшую крапивой канавку, отделяющую асфальтовую дорогу от дощатых дачных заборов. Стефан хотел, чтобы так случилось. Так не случилось: неловкий велосипедист ценой титанических усилий в самый критический миг выпрямлял вихляющийся руль и вычерчивал новый зигзаг синусоиды.

Стефан пресытился зрелищем человеческой беспомощности и отошёл от калитки. Он слышал, как за его спиной цепные церберы по цепочке на протяжении всего дачного проулка заливались лаем, чтобы охаять незваного оборванца. Волна возмущённого гавканья подкатывалась всё ближе, и когда характерным тенором затыкал соседский кобель Бобик, Стефан вновь оборотился: несомненно, Ишак С Педаями рулит сюда.

Действительно: асфальтовая дорога кончалась, и два ряда заборов перпендикулярно утыкались в тупиковый забор, за которым стебался хорошо одетый Стефан. Оставалось проехать метров десять по траве. Плохо одетый был вынужден тормозить. По такому случаю на его лбу, изрядно изжёванном морщинами, выступила испарина, а в потухших глазах проступил тихий ужас. Сюрпяс. Переднее колесо вместе с рулём задёргалось в конвульсиях, ездок поспешно принялся перекидывать ногу через раму, но велосипед кренился набок ещё поспешнее, и он-таки с грохотом упал, придавив ногу непутёвого владельца. Последний, испытывая физическую боль и досаду, не очень внятно, но грязно выругался.

Стефан стоял в раю, под сенью цветущих фруктовых деревьев, преисполненный наслаждения и злорадства. У самых врат рая валялся потерпевший крушение велосипедист и созерцал затухающее вращение торчащей вверх педали. Он напоминал полудавленного таракана — хлопнулся на спину, а перевернуться никак. Солидный рюкзак на плохо одетой спине чинил препятствия.

Лишь где-то минут через пять Ишак (уже Без Педалей) выкарабкался из-под велосипеда. И как-то неохотно, вяло дёрнул на себя калитку. Калитка не послушалась и на второй, и на третий, и на пятый раз. Вообще-то имелся звонок, но неожиданный визитёр, по-видимому, был зачарован однообразным ритмом своих бессмысленных движений.

Стефану сделалось противно, он зычно позвал кого-то и скрылся в глубине сада, в гуще деревьев. Приезжий методично дёргал калитку.

От калитки косая дорожка вела на крыльцо двухэтажного коттеджа, выкрашенного в зелёный цвет, с шиферной крышей. На крыльцо вышла молодая, с распущенными тёмными волосами, женщина в халате и неторопливо двинулась в направлении калитки. Эффект её появления, приближения и просто внешности был ошеломляющ настолько, что плохо одетый оставил калитку в покое и встал как вкопанный.

Женщина смерила его колючим взглядом и жёстко спросила:

— Вам кого надо?

С губ незнакомца сорвался слабый шорох. Чуткое ухо женщины не уловило ничего членораздельного.

— Кого-кого?

— Я хотел бы видеть господина профессора Иоганнеса Клира, — повторил незнакомец. Если ему таки удавалось издать звуки, то где-то секунды через полторы после движения артикуляционных мышц. Так работают под фонограмму начинающие эстрадные певцы.

— Профессор Клир болен и никого не принимает.

— Да?.. Как жаль... — приезжий точно засох на корню или превратился в соляной столп. Женщина между тем бомбардировала его гипнотическими флюидами, желая ему скорее исчезнуть. Не действовало.

— Вы понимаете... — опять загугнил незнакомец. — Я... приехал издалека. Я хотел увидеть профессора. Это всё, что мне сейчас нужно. Я хотел...

— Ничем не могу вам помочь, — чётко и звучно отрезала женщина.

Пришелец издалека опять на какое-то время заснул стоя.

— Скажите... — децибел в его голосе не прибавилось, но шелест губ окрасился угрожающе-свистящими призывками. — ... насколько серьёзно болен профессор? Если я найду ещё раз... скажем, через неделю... могу ли я надеяться, что...

— Нет, не можете. Профессору нужен покой.

Стоптаный сандалет незнакомца отфутболил подвернувшийся сук, бедняга сгорбился, почти достав подбородком солнечное сплетение. Но в это время откуда-то сверху послышался треск распахиваемой двери, и нетвёрдым запинаящимся шагом на веранду второго этажа коттеджа выгреб седенький очкастый дедулька с палочкой, скрюченный даже в большей степени, чем изрядно сутулый незнакомец.

— Анхен, кто там? — спросил он дребезжащим неуправляемым голосом.

— Папа! — эффектная женщина укоризненно посмотрела наверх. — Ты же обещал не вставать!

— Я обещал? Кому я обещал? Я не таракан какой, прятаться по тёмным углам, — отвечал дедулька. — Без воздуха скорей зачахну.

Пришелец не подымал головы, хотя определённо проникся, что сии дребезжащие звуки издаёт не кто иной, как желанный господин профессор Иоганнес Клир.

— Кто там?.. Дапусти ты его... мне на обозрение... — прошамкал профессор.

Женщина криво усмехнулась, ловким движением отодвинула щеколду и распахнула калитку. Незнакомец, оглоушенный внезапной милостью, потоптался-потоптался и боком втиснулся на территорию сада.

— Беседует, понимаете, с молодым мужчиной, а от отца скрывает... Ай-яй...

— Ну, пап...

— Здравствуйте, господин профессор, — натужно крикнул вторгшийся пришелец.

— Так это ко мне? Я же понимаю: ко мне. Так что ж ты мурыжишь гостя, скажи на милость?..

— Какие нынче гости...

— В кои-то веки гости! — старикан затопал ногами и затряс клюшкой. — Можно подумать у нас тут каждый Божий день светские рауты... Молодой человек, не бойтесь вы её... не обращайтесь... я понимаю, для мужика это невозможно, но... я, извините, сам страдаю от тиранства собственной дочери... Мой ангел-хранитель и целитель... видите ли. Охраняет меня от ненужных эмоций. Проходите... я сейчас спущусь.

— Ну куда ты спустишься... Остайся наверху, — закричала женщина. — Папа очень плох... — бросила она пришедшему в себя визитёру, паралингвистическими средствами добавляя: ишь, принесла тебя нелёгкая...

— Извините, — прошелестел гость, двигаясь в сторону дома.

Женщина, которую, очевидно, звали Анной, тут же справилась у незнакомца, кто он есть, и оказалось, что Кónрад. Поскольку эта информация была чересчур скудна и, неизвестно, достоверна ли, Анна затребовала документальное подтверждение.

Тогда Конрад сунул руку за пазуху. Анна отпрянула и подняла руку перед собой, опасаясь, что нахальный интервент достанет из-за пазухи камень. А зря опасалась. В руке Конрада оказался маленький целлофановый пакет с изображением синего бройлера. В пакете лежали четыре «корочки».

Конрад бережно достал их: три красные и зелёную.

— Здесь вся моя биография.

— Меня как-то мало волнует ваша биография.

— Не удивляюсь. Она никого не волнует.

Анна раскрыла самую потрёпанную красную «корочку», сиречь персональ-аусвайз гражданина Страны Сволочей. Мартинсен, Конрад (написано было «Конрат»). Место рождения — столица. День рождения (тридцать один год назад). Национальность: «сволоч». Выдано 75-м полицейским управлением; дата (пятнадцать лет назад). Чей-то лихой росчерк. Фотокарточка — зелёный

вьюноша, шея тонкая, губки круглые, курчавая шевелюра до плеч. Анна подняла глаза: предъявитель сего был стрижен коротко, покрыт перхотью и притом основательно плешив. На следующей страничке помещалась фотография шестилетней давности, там ансамбль дополняла петушиная борода, растущая не столько из щёк, сколько из шеи.

— А почему в вашем персональ-аусвайзе столь грубые орфографические ошибки? — любопытствовала Анна.

— Я не исправлял. Сами знаете: за подделку документов...

— А потребовать заменить нельзя было?

— Когда полицию учат грамоте, она принимает это слишком близко к сердцу. Да что вы, право, сути это не меняет.

Анна собралась отдавать «корочку».

— Вы не всё посмотрели, — как обычно, на одной ноте просипел Конрад.

Анна не стала смотреть. Чего там было смотреть? Два штампа: «зарегистрирован брак...», столько же «зарегистрировано расторжение брака...» — всё где-то на отрезке лет в пять и всё дела давно минувших дней; в графе «Дети» — ничего, восемь штампов в графе «Прописка», штамп «Военнообязанный»... Всё.

Изучение второй красной «корочки» — самой тоненькой — отняло две секунды. Диплом (с отличием). Выдан Мартинсену Конраду в том, что он (четыренадцать лет назад) поступил в Столичный дважды ордена Боевого Штыка педагогический Институт всеобщего текстоведения имени Имярека и (девять лет назад) окончил полный курс названного института по специальности «всеобщее текстоведение». Решением государственной экзаменационной комиссии Мартинсену К. присвоена квалификация преподавателя связных текстов. Подпись, печать, дата.

От комментариев Анна воздержалась, но её глаза спрашивали: «На какой барахолке купил?» А может, не спрашивали, может, так Конраду почудилось.

Третья красная «корочка» являла собой Мобилизационный билет; в нём дублировались данные персональ-аусвайза, указывалась основная гражданская специальность и сообщались специфические военные сведения: № в/ч, должность — гальюнщик, дата зачисления в часть (три года назад), дата исключения из части (полгода назад), воинское звание — рядовой, наград не имеет, ранений-контузий тоже, на вооружении имел штык-нож, военно-учётная специальность: гальюнщик, размер противогаза и т. п. В графе «Сведения о медицинских освидетельствованиях» стояло два разноречивых штампа... до неё, впрочем, Анна не добралась.

Зелёная «корочка», самая толстая, с вкладышем, была вся густо испещрена записями и печатями. Это был Трудовой билет. Первая запись касалась учёбы в институте. Следующая гласила: «Направлен в НИИ листового железа на должность столоначальника». Следующая появилась, судя по всему, год спустя, а промежутки между дальнейшими составляли уже три-четыре месяца. Читать все было бы долго и мучительно. Анна обратила внимание, в частности, на такие:

- ✓ Средняя школа № 527; преподаватель связных текстов.
 - ✓ Выставочное объединение «Суперэкспо»; переводчик.
 - ✓ Продмаг № 62; подсобный рабочий.
 - ✓ Домохозяйство № 93; лифтёр.
 - ✓ Геологоразведочная экспедиция; отмывщик шляхов.
 - ✓ Больница № 28; санитар.
 - ✓ Фотолаборатория компрессорного завода; младший лаборант.
 - ✓ Киностудия «Цветофильм»; ученик звукооператора.
- Кончалось всё призывом в армию.
- Макса Горького вы, кажется, перещеголяли, — заключила Анна.
 - Ну вряд ли... Между школой и армией было всего четыре года. Великий же пролетарский писатель в двенадцать лет пошёл тарелки мыть.
 - Как вас в армию-то занесло? — спросила Анна, начиная оттаивать.
 - Мужчина вроде должен быть воином, — прокряхтел Конрад.
- Глаза Анны вновь обратились в сталь. Она ещё раз открыла мобилизационный билет и несколько раз перевела взгляд с измятого лица Конрада на записку «гальюнщик» и обратно.

Пока Анна, не скрывая недовольства гостем, нарочито быстро пролистывала «корочки», бесстыжий гость исподлобья пялился на её женские достоинства. Было на что пялиться. Анна была ростом ниже Конрада, но такая осанистая, что казалась выше. При всей утонченности черт, её лицо, не нуждавшееся в косметике, никак нельзя было назвать ни малокровным, ни малоохольным; в его неприступности таилась нездешность, но ни капли меланхолии. Своенравно, густо, немного змеясь, струились тёмно-шоколадные волосы, не знакомые с заколками и резинками; несколько прядей-отщепенек щекотали породистые купола груди — даже под столь просторным халатом, явно не стеснённые ни комбинацией, ни лифчиком, сосцы выступали с геометрической чёткостью; наверно, содержащимся в них молоком можно было напоить три палаты язвенников. Просторная хламида скрывала от глаз людских образцовую талию и классический таз — всё равно любой нормальный мужик, завидев Анну, неминуемо чуял бы покалывание в районе ширинки. Был ли нормальным мужиком Конрад, сказать сложно: он смотрел, собственно, не на Анну, а сквозь Анну, потягивая дешёвую сигаретку без фильтра, то и дело сплёвывая набившийся в рот табак.

Пробежал голопузый Стефан, играя мышцами.

— Ты куда, Стефан? — спросила Анна.

— Купаться, вестимо, — ответил Стефан. — На пруд.

Начинало припекать.

Профессор Клир возлежал на облезлом диване; мешком сидели на нём шаровары, клетчатая рубашка расплзлась на пупе. В головах валялась сплюснутая подушка без наволочки, в ногах — неопрятный ворох пожелтевших газет.

— Ну что, батенька, устроила вам моя дочка таможенный досмотр?

— Я думал, у вас особо злая собака, — признался Конрад.

— Да, был Трезор, был... Да весь вышел. Камнем в висок угостили... пацанва... Так вот, дочка меня — бережёт. Всю свою жизнь ради меня губит — в её-то годы бессменно при папаше... А папаша плох, совсем, видите ли, плох. Вот, грозился вниз спуститься — ан слабó: слез с кровати — а всё тело как стальными обручами сдавило.

— Я... я очень прошу простить... что я вас... потревожил. Мне, конечно, очень неудобно... — зачастил Конрад почти без интонаций.

— Да бросьте вы извиняться, молодой человек, — оборвал профессор. — С тех пор, как отставили от университета, людей живых почти не вижу. Раньше хоть соседи заходили, а дочка и тех распугала...

— Я вашу дочь понимаю, — вставил Конрад. — Времена такие, излишняя осторожность не повредит.

— Времена противные, — согласился профессор. — Хотя у меня информация скудная. Живу как на необитаемом острове; представления не имею, что творится. Вон гостит у нас парнишка — из столицы приехал — ну я затрахал его расспросами, он ко мне теперь и носа не кажет. Скучно ему со старым занудой. Прошлой осенью телевизор сломался... Стефан всё хорохорится: «Починю, починю»... а надо ли? — Передачи-то пошли кошматерные, всё хэви метал или как его там... Умные разговоры диктатура прикрыла. Вот... прессу штудирую, между строк читаю... весёлого, видать, мало... и приносят крайне нерегулярно... У почтальона месяцами запои, загулы — так и кукуем, ничего не ведаючи. Ждём, что в один прекрасный момент зайвится террорист с бомбой. Вы не террорист с бомбой?

— Нет.

— Я вижу, что нет. А дочка не уверена. На лбу не написано, кто вы такой. А всюду постреливают... Гражданская война, так?

— Война всех против всех, — (с ухмылкой).

— Да, да... А мы только догадываемся. Вон, «Истинную правду» два месяца не приносили.

— Так её закрыли, «Истинную правду».

— Как так закрыли?

— То ли ещё будет, профессор. На прошлой неделе «Ведомости» приказали долго жить; на очереди «Голос отечества».

— Вот оно что! Диктатура обойдётся без печатного слова!..

— Боюсь, всё куда проще, — комариный голосишко Конрада потихоньку раскачивался, крепнул, и даже дохленькие обертоны проскальзывали порой. — Во-первых, бумаги в стране нет и взяться ей неоткуда, потому как и леса почти не осталось.

— Стоп, — профессор, если бы смог, непременно подпрыгнул бы. — Ведь академик Эберт в своё время разработал программу экологического возрождения, и государственный совет её одобрил...

— Одобрить одобрили, только не реализовали. Ни средств, ни желания. Опилки легче производить, чем хлорофилл. Самогон из них хороший.

— Так-с... Это же катастрофа! Мы и были-то на пороге катастрофы... Взялись бы за программу Эберта, неизвестно ещё, удалось ли бы кардинально что-то изменить...

— Ну... вот за неё и не взялись. «Научный вестник» поднял было бучу...

— И «Вестника»-то сто лет не видел...

— ... тут и его прикрыли. Через три года сволочи забудут, что такое бумага.

— Однако здесь есть и позитивные стороны, — вздохнул, осклабясь, профессор. — Бюрократам не на чем будет тискать инструкции.

— Но бумаги нет — не самое главное. А главное — слишком мало осталось людей, умеющих читать, и совсем не осталось умеющих писать.

— Да-да, — с жаром подхватил профессор. — Читаю газеты и не понимаю: не то заборно-сортирная лирика, не то «весёлые случаи на уроках родного языка»...

Было поколение. Счастливо начинало. Сокрушило идола, ревизовало религию. А как снова закрутили гайки, двадцать лет самоотверженно сражалось с ветряными мельницами и при малейшем изменении направления ветра пошло ва-банк. Тени перестрелянных отцов зывали к отмщению. Вытащили фиги из карманов, назвали вещи своими именами, поставили ребром вопросы. Профессор Клир был из этого поколения — он умел ставить вопросы. Тридцать лет назад, в первую «оттепель», он даже умел давать ответы — но теперь ответ должен был дать многомиллионный спившийся народ с порченным генофондом и в одних рубашках — которые к телу ближе. Народ, привыкший безмолвствовать, ответил смачными матюгами.

Страна Сволочей называлась страна. Она всегда была прекрасна и всегда была несчастна, имела в прошлом великую историю и необычайный духовный потенциал. Поколение Иоганнеса Клира было последним, пытавшимся творить великую историю и сохранить духовный потенциал.

Старое поколение стало, на три четверти вырубленное, поколение инфарктников и инсультчиков. Молодость всё знала, да знать не хотела, а старость-таки — не могла.

Заклинило. Угомонились.

Любящая дочь Анна отвела на беседу больного отца с плешивым пришельцем два астрономических часа. Но к исходу этих двух часов Конрад только-только подошёл к объяснению цели своего визита. Истосковавшись по новостям, профессор — Мастер Ставить Вопросы — заваливал гостя вопросами о том и о сём. Конрад отвечал, азартно жестикулируя и скрежеща зубами.

Вот спрашивал профессор: жив ли его сверстник и соратник Вернер Клепп? Конрад с готовностью отвечал: компания мальчишек, откушав анаши и C_2H_5OH погожим вечером просверлила дырочку в черепе погружённого в свои глубокие мысли учёного, и его талантливые мозги через эту дырочку вытекли

в непроходимую лужу посреди главного столичного проспекта. Профессор спрашивал: каков репертуар театра синтетического искусства? Конрад отвечал: в здании театра ныне кооператив по сбыту контрацептивов, репертуар кооператива скуден, а услуги стоят от восьми до десяти литров самогона, то есть недёшево; а что до труппы, так она разбежалась, после того как главреж г-н Эрих Никлаус, пережив душевный разлад в связи с отсутствием публики на спектаклях, слинял за кордон (по слухам, имеет успех). Профессор спрашивал, сколь свободно продаётся в магазинах спиртное, столь часто поминаемое собеседником. Конрад отвечал: а вообще не продаётся после серии аварий на винозаводах со многими тысячами жертв, зато правительственным указом сняты все ограничения на кустарное самогонование, и каждый, кто таковым увлекается (а увлекается как раз каждый) находится на самообслуживании. Профессор спрашивал: а как обстоят дела со снабжением населения продуктами. Конрад отвечал: а никак, если закрыть глаза на всё более частые случаи каннибализма, ибо все мясные породы скота поразили поголовный мор, так как оказалось, что травленные ядохимикатами корма — слишком суровое испытание для привередливых скотских желудков. Профессор менял предмет разговора: а как нонче насчёт прав человека — например, чинят ли препятствия желающим отъехать навсегда? Конрад хохотал: а чего чинить, все, кто что-то умел, давно уже отъехали, остальных же за граница сама кормить отказалась, — и подкреплял свои наблюдения статистикой: страну покинуло 79% членов профсоюза литераторов, 98% членов академии наук, а обладатели консерваторских дипломов — в полном составе. Недоумевал профессор: а что же вообще консерватории? Конрад успокаивал: а ничего, их больше нет — зато учреждён институт попсовой культуры, где учат диск-жокеев, как изящнее схомить, чтобы весь зал ржал. А как? — спрашивал профессор. Конрад мотал головой: когда-то за такое на пятнадцать суток гребли.

Собеседники двигались индуктивным путём — от частного к общему. И вот, когда любопытство профессора иссякло под натиском неутешительных фактов, когда взгляд его остекленел, а пульс катастрофически зашкалил, гость с большой земли набрался духу и перехватил инициативу.

Он наконец-то получил возможность представиться (Конрад Мартинсен и т. п.) Не преминул также добавить, что происходит из интеллигентной семьи. Затем вкратце изложил свою биографию, расцвечивая лирическими отступлениями факты, зарегистрированные в документах. Его рассказ изобиловал грязными ругательствами в адрес собственной персоны, посыпанием головы пеплом и битием себя в грудь. Затем Конрад обрисовал статус-кво: в настоящее время он демобилизованный солдат без средств к существованию, без надежды трудоустроиться, с расхристанной психикой и букетом внутренних болезней.

— Позвольте, — подивился впавший было в кому профессор. — Как же вы в таком... возрасте... попали в армию?

— То был свободный выбор, — сказал Конрад. — В своё время, когда мои сверстники облачились в хаки, я закосил по психстатье. Всё нормалёк было, статья в принципе неснимаемая, а после двадцати восьми — дыши совсем свободно... Да вот накануне этой знаменательной вехи я понял: нужна основательная

встряска, чтобы собрать себя по осколочкам воедино. И принял решение. Ринулся обивать военкоматские пороги. Сперва подумали — вконец мужик рехнулся. Всюду недобор — одни призывники внаглую уклоняются, у других — черепно-мозговые травмы, третьи — просто дебилы... И тут нате вам — доброволец... Прощёл переосвидетельствование, признали здоровым. То есть, конечно, не признали, но написали «здоров». Логика такая: чем ты, засранец, лучше нас? — Мы своё в траншеях отгорбатили, а ты на гражданке, лёжа на королеве красоты, птичье молоко попивал. Вот. Ну а дальше я знал: пан или пропал. Два исхода, то есть, видел: либо выхожу на дембель бывалым тёртым мужчиной без комплексов, либо друзья-однополчане, предварительно превратив меня в мясной рулет, великодушно засыпают холодный труп соломой, и — привет. И то, и другое было бы — выход. Случилось же нечто третье.

— Ага, себя не собрал и жив остался, — понимающе кивнул профессор.

Подробно Конрад остановился на шести месяцах после дембеля (переслужил почти полгода, отпустили, когда заблагорассудилось). Он в очередной раз потерял прописку, и причалить было некуда: родители далече, а друзей и подавно никогда не было. Устраиваться на работу в том социально-моральном климате, где иметь работу есть величайшее позорище и куда престижнее добывать себе на пропитание разбоем, грабежом, рэккетом или, на худой конец, спекуляцией, было, как говорят, новые поколения, в лом. Вообще — рыпаться, дёргаться, чесаться было определённно в лом. Хотелось одного — подбить бабки и отдохнуть. Изголодавшийся за тридцать месяцев по нормальному человеческому общению Конрад попал во власть идеи-фикс: отыскать какого-нибудь чудом уцелевшего мастодонта из недорезанной прослойки и покалякать с ним за смысл бытия. Легко сказать — отыскать: а) Конрад не располагал к себе незнакомых людей, не говоря уж о знакомых; б) как упоминалось, все, кто знал, сколько симфоний написал Бетховен, видел разницу между Гоголем и Гегелем и без запинки мог выговорить «экзистенциализм», всю паковали чемоданы и отвлекаться на пустяки не желали...

— А что же вам мешало отправиться по их стопам? — перебил профессор.

— Потом, если позволите. Долго, — отмахнулся гость. — Целый комплекс причин. Некоторые я назвал, но вы не уловили...

Короче, после долгих поисков Конрад совершенно случайно выяснил, что жив ещё профессор Иоганнес Клир, острый, независимый ум, некогда властитель интеллигентских дум, автор блистательных публицистических статей, редактор культурного и нравственного воспитания сволочей, кладезь энциклопедических познаний. На сбор справок о его местопребывании ушло три недели. Оказалось, этот реликтовый зубробизон вошёл в конфликт с администрацией университета, где преподавал на протяжении всей «перedelки» (второй и последней «оттепели»), и был с треском низвергнут, в результате чего перенёс очередной инфаркт, какое-то время ещё пыжился, писал для журналов, но следующий инфаркт доконал его вконец. И теперь, наполовину парализованный, он доживает свой век в глухомани, на даче, вдали от больших городов, буйных страстей и больных вопросов.

Стандартная сволочная ситуация: мужчины празднословят, базлают, база-рят, а тем временем на кухне женщина готовит обед.

Красивая женщина.

Нынешние сволочи мало читали, а если кого и читали, то Льва Толстого. Он, кстати, очень хороший писатель. Лев Толстой прямо заявлял, что самого слова «красивое» нет в лексиконе людей, вынужденных добывать в поте лица своего скудный насущный хлеб. А коль скоро добытчиков хлеба насущного писатель почитал единственной солью земли, он низверг «красивое» с его красивого пьедестала и вычеркнул из списка подлинных ценностей. И многие согласились с ним: хлеб насущный годился в пищу, а «красивое» — разве что для причастия.

Когда Великий Катаклизм основательно перетряхнул прогнившую за тысячелетия пирамиду ценностей, всплывшие на гребне его бурных волн новые Главные Сволочи подсунили неглавным свою мерку, свой аршин, свою систему координат. И пожалуй, одно лишь усердие в добыче хлеба в качестве основополагающей добродетели не подверглось ревизии. И Страна Сволочей превратилась в Страну Некрасивых Людей, озабоченных хлебом единым, который «всему голова».

Но как сволочи ни лезли вон из кожи, хлеба становилось всё меньше и меньше, невзирая на то, что люди становились всё менее красивы.

И чуть перевалив за тридцать, женщина-сволочанка бывала прокручена в мясорубках, раздавлена в соковыжималках, раздроблена в кофемолках, вздрючена-навьючена, жилиста-жириста, тело искорёжено коррозией, душа в порослях коросты, становишься ниже ростом, волосы — водоросли, рожа кирпича просит, пробивается ранняя проседь, оторви да брось, под лавку брысь, грязь да грызнь — скотская жизнь. Замордованная морда, замозоленные мозги, замороченные очи.

И если вдруг кто-то уберёт от прели свою прелесть и от удущья — свою душу и от ржи — свою наружность до возраста бальзаковского... что за чудотворный бальзам тому виной?

Разве только когда Главные Сволочи под аплодисменты когорты предынфарктников провозгласили новый курс, вошедший в разноязычные анналы под кодом «Peredelka», сволочанкам неожиданно захотелось быть красивыми. Даже многим мужчинам-сволочам. Интерес к Льву Толстому упал. Некрасивые люди временно похорошели — да вот незадача: хлебные запасы страны, как на грех, совсем истощились. И вот результат: в короткий срок, опять несканозно подурнев, сволочи Львом Толстым подтирают анус: вместе с хлебом насущным исчезла и туалетная бумага.

Что же современным сволочам кушать-то? Каков ассортимент блюд? Извольте —

- ✓ Первые блюда: суп из топора, суп из куриных зуб, потом — суп с котом.
 - ✓ Вторые блюда: лапша на уши, берёзовая каша, собачина с цепью, ошейником и досками («пятый сорт, рубим вместе с будкой»).
 - ✓ Напитки: табуретовый самогон, тормозная жидкость, птичье молоко (говорят, что кур доят).
 - ✓ На десерт: трава лебеда, ягода бузина, кукиш с маслом, говно на палочке, самокрутка с маком, дырка от бублика с таким.
 - ✓ Приправы: нитраты, нитриты, гербициды, пестициды, собственные соки с повышенной кислотностью.
- Какая уж тут кровь с молоком, когда зубы на полке?

Такое обстоятельство: был ещё один хороший писатель, Достоевский. Он никогда не импонировал новым правителям страны — ещё бы, имел неосторожность во всеуслышание заявить, что красота — ни больше, ни меньше — «спасёт мир».

Женщина по имени Анна Клир вряд ли когда-либо всерьёз задумывалась о том, чтобы спасти мир. Просто с генами баламута-папы ей передалась активная нелюбовь ко всем последствиям Великого Катаклизма, к Главным Сволочам. И Анна подняла на щит — Красоту, и преданнейше служила — Красоте.

Её не смутил даже тот факт, что сограждане в конце концов сочли Достоевского тоже качественной туалетной бумагой. Поскольку вкусившие демократии и гласности сограждане, эстетствуя, не служили службу в храме Красоты, но Красоту пытались поставить себе на службу. Вместо того, чтобы к ней причаститься, они хотели ею — обладать.

Нет, нет, упаси Господи, Анна Клир не пыталась спасти мир. Она просто возделывала свой сад.

И сад Анну кормил. Потому что её гастрономическая политика зиждилась на рекомендациях ревнителей вкусной и здоровой пищи — Шелтона, Брэга и К°. Шелтон, Брэгг и К° категорически отвергали жареное, солёное, кофе, комбинации белков с крахмалами, разных видов белков, крахмала с сахарами и много чего ещё. Зато превозносили пареные овощи, натуральные соки, подножный корм (одуванчики-подорожники). Се суть эликсиры долголетия и жизнелюбия, говорили Шелтон, Брэгг и К°. И правоту свою подтверждали жизнью своей — в девяносто лет переплывали пролив Па-де-Кале и созерцали время от времени то чайку Джонатана, то Будду.

А коль скоро Анна была не прочь если не Па-де-Кале переплыть, то хотя бы Джонатана узреть, она ещё в относительно сытые времена со всей ответственностью подошла к организации надомной агропромии, самоучкой дошла до вершин агрономии, запаслась семенами на много лет вперёд. И треть сада сделалась огородом, а светлицы домиков-временок превратились в теплицы.

- С лёгким паром, — рассмеялась Анна.
- Спасибо. За мной пятак, — откликнулся Стефан.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИК И ОСТРОВА. Размышления вместо предисловия. <i>Анатолий Королёв</i>	3
СЕЗОН ПЕРВЫЙ	
ЛЕТО	7
1. В Стране Сволочей	9
2. Альраун и бурундук	26
3. Менталитет и криминалитет	40
4. Цветик-Семицветик	55
5. Музыка сфер	72
6. Волшебная комната	87
СЕЗОН ВТОРОЙ	
ОСЕНЬ	101
7. Мифотворцы	103
8. Город Крысожоров	116
9. Книга понятий	133
10. Квартет	150
11. Серпентарий	168
12. Последнее путешествие	182
СЕЗОН ТРЕТИЙ	
ЗИМА	197
13. Не Человек	199
14. I gotta hear you scream	233
15. Новогодие	249
16. Книга легитимации	265
17. Парниковый эффект	281
18. Масленица	282
СЕЗОН ЧЕТВЕРТЫЙ	
ВЕСНА	297
19. Постмодернизм	299
20. Свобода слова	314
21. Корона симулякров	328
22. В столице	344
23. Дым Отечества	361
24. День защиты детей	376

Никита Валерьевич Гладilin
ОСТРОВ ТРАДИЦИИ
Роман вне традиции в четырёх сезонах

Текст приводится в авторской редакции

Оригинал-макет *С. В. Буракова*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 21.05.2019. Формат 70×100¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 31,6. Заказ № 1706. Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86